

Глава 6

Ли Да не стал навещать Учёного Чжу в тот же день в полдень, хоть Чжу Лаосы и торопил его. Каким бы мастером своего дела ни был Ли Да в поле или в забое свиней, перед учеными мужами, а особенно перед сюцаями, имевшими официальный ранг, он испытывал невольный трепет. Он решил сперва закончить работу, а затем прийти с поклоном, прихватив с собой свежего мяса.

Свинью забили, мясо разделили.

Хозяева заплатили за забой двадцать вэней и в придачу отдали потроха. Ли Да доплатил еще десять монет, купил один цзинь отборного мяса и сперва заглянул к Чжу Лаосы, чтобы оставить ему субпродукты.

Тот церемониться не стал и передал потроха жене, чтобы та приготовила ужин посытнее. Госпожа Чжу к тому времени уже согрела воду. Мужчины скрылись из вида, и Ли Да наскоро смыл с себя кровь и запах забоя. Переодевшись в чистое, он подхватил купленное мясо.

— Идем, — позвал он. Чжу Лаосы уже ждал его у порога.

Солнце клонилось к закату, медлить было нельзя. Чжу Лаосы шел впереди, указывая дорогу, а Ли Да, крепко сжимая сверток с мясом, следовал за ним в дом Учёного Чжу.

Разговор с сюцаем длился не дольше, чем требуется, чтобы выпить чашку чая. Пока Чжу Лаосы обменивался любезностями с отцом учителя, Ли Да лишь молча слушал затейливые, книжные речи самого Учёного Чжу. Когда они наконец покинули дом, место одного цзиня мяса в руках Ли Да занял тонкий листок бумаги.

Чжу Лаосы покосился на него, не понимая, что там написано.

— Десять вэней и целый цзинь мяса за обрывок бумаги? — проворчал он. — Его не съешь и не выпьешь. Только земля кормит честно, от неё хоть сыт будешь...

Ли Да осторожно сложил листок и спрятал его за пазуху. Лишь тогда он открыл другу то, что было у него на душе:

— Если я сейчас запрещу ему учиться, Чжоучжоу окажется между двух огней, и ему будет несладко. Пусть лучше Гу Чжао сам попробует и поймет, на что годен. Чтобы он сам отступился, когда силы кончатся.

Чжу Лаосы лишь головой покачал. Он был уверен: Ли Да прекрасно понимает, что гэсьюй не сдаст экзамены, и просто выбрасывает деньги на ветер.

Ту ночь Ли Да провел в доме друга, а на следующее утро отправился на еще один забой. Получив плату, он купил два цзиня мяса и, прихватив потроха, двинулся обратно в деревню Сипин, даже не позавтракав.

Ли Чжоучжоу и Гу Чжао только закончили обедать — сегодня на столе была зерновая каша, распаренный батат и соленый редис. День выдался погожий, и Гу Чжао уговорил супруга присесть во дворе, чтобы погреться на солнышке. Он видел, как Чжоучжоу хлопотал всё утро: таскал воду, кормил свиней и кур, рубил ботву и готовил обед, ни на минуту не присаживаясь.

Глядя на него, Гу Чжао и сам чувствовал усталость, но для Ли Чжоучжоу такая работа была привычной. Настоящая страда начиналась в поле во время жатвы, когда урожаем нужно было не только собрать, но и высушить, обмолотить и очистить под присмотром налоговых чиновников, которые регистрировали каждую меру зерна.

— Раз не устал, всё равно посиди, отдохни, — Гу Чжао очистил арахис и поднес ядрышко к губам Чжоучжоу.

Тот немного смутился, но, поскольку во дворе никого не было, послушно принял угощение. Гу Чжао принялся разминать ему плечи, время от времени скармливая очередную порцию орехов.

Не прошло и десяти минут, как Чжоучжоу снова заерзал:

— Отец вот-вот вернется. Вода в котле уже закипела, и тесто я завел.

Время перевалило за полдень. Ли Да говорил, что управится за день, но путь из деревни Шили был неблизким. Если он заночевал там, то сейчас самое время показаться на дороге.

— Не волнуйся, вдруг в деревне Шили подвернулась еще какая работа, — успокаивал его Гу Чжао.

Чжоучжоу кивнул — такое бывало нередко.

И только они заговорили об этом, как калитка распахнулась. Увидев отца, он облегченно вздохнул и бросился навстречу, чтобы забрать вещи. Пока муж хлопотал у плиты, Гу Чжао принес тестю таз с водой, разбавив крутой кипяток холодной.

Ли Да умылся прямо во дворе, а затем принялся мыть ноги той же водой. Заметив это, Гу Чжао подошел с ковшом горячей воды:

— Отец, давайте подбавлю горяченькой, чтобы ноги получше пропарились. Так легче станет.

Он осторожно подливал воду, спрашивая:

— Как вам, отец? Не слишком горячо? Еще добавить?

Ли Да наконец произнес:

— Плесни еще разок.

— Сию минуту!

Гу Чжао метнулся на кухню. Ли Да сидел на скамье, провожая взглядом фигуру нового зятя. Едва войдя во двор, он заметил, как Чжоучжоу улыбался, разговаривая с мужем. Этого отцу было достаточно.

К тому времени, как Ли Да закончил парить ноги, Чжоучжоу подал на стол лапшу. Он мелко нарезал жирную свинину, обжарил её в раскаленном котле, пока не вытопился жир, и добавил капусту с кислым редисом. Этой ароматной поджаркой он щедро сдобрил миску с лапшой. Ли Да ел с аппетитом, и лишь когда большая чаша опустела, на его лице появилось удовлетворение.

Чжоучжоу хотел было убрать посуду, но отец остановил его:

— Не спеши. В деревне Шили я заглянул к Учёному Чжу, и он дал мне вот это.

Он достал из-за пазухи сложенный листок и положил его на стол.

— Я в грамоте не силен, но сюцай сказал, что это названия книг. Взгляни, Гу Чжао.

Гу Чжао взял листок. Там были перечислены названия четырех книг. Учёный Чжу даже отметил, что две из них можно купить только в книжных лавках округа, а две другие найдутся и в городке, причем советовал брать рукописные списки — так выходило дешевле.

Обладая памятью прежнего владельца тела, Гу Чжао понимал: здешний мир разительно отличался от его прошлого. В современном мире можно было зайти в любой магазин и выбрать учебник на любой вкус. Здесь же классика для начального обучения — «Тысячесловие» или «Сто фамилий» — не менялась веками. Но если хотелось подняться выше без наставника, самообучение бы означало блуждание в густом тумане.

Те книги, что юноша переписывал последние полмесяца, принадлежали старому сельскому учителю. Тот сдал экзамен на сюцай в тридцать пять, к сорока годам оставил надежды на карьеру и открыл школу. Сейчас ему было за пятьдесят, и можно было только догадываться, насколько устарели эти пособия.

Сыновьям земледельцев было трудно пробиться не только из-за дороговизны бумаги и туши, но и из-за дефицита образовательных ресурсов. Хорошие наставники и редкие книги были привилегией высших сословий.

Он понимал, что этот список достался тестю не даром. Сердце его дрогнуло. Он решительно подобрал полы одежды и торжественно опустил на колени перед Ли Да.

— Благодарю вас, отец, за то, что в своих заботах не забыли о моем учении.

Увидев это, Ли Чжоучжоу тут же пристроился рядом.

Ли Да поначалу оторопел, но, выслушав Гу Чжао, принял этот поклон. Как истинный крестьянин, он не умел говорить красиво, а потому произнес просто:

— Отныне все заботы по дому и в поле лягут на нас с Чжоучжоу. Ты же учись прилежно и со спокойной душой. Сколько смогу тебя тянуть — столько и буду.

— Слушаюсь, отец, — отозвался Гу Чжао.

Ли Чжоучжоу понимал, что отец делает всё это ради него, и тоже низко поклонился родителю. Ли Да велел им подняться, но на душе у него стало куда светлее. Казалось, только сейчас они по-настоящему стали одной семьей.

— Завтра ступайте в городок вместе с Чжоучжоу. Купите книги и всё, что нужно для учения.

Чжоучжоу вдруг спохватился:

— Отец, я совсем забыл про Саньчао хуэймэнь! Сегодня уже четвертый день.

В их деревне это был первый случай принятия зятя в дом. Любопытных было много, но заправлять делами Ли Да приходилось одному. Он устроил всё так, как если бы Чжоучжоу брал в дом жену, но о дальнейших тонкостях обряда этот суровый мужчина просто забыл.

Почесав затылок, Ли Да распорядился: мясо, что он привез, сегодня же отправить в деревню Дунпин. Сын, заранее расспросивший об обычаях тётушку Ван, быстро изложил всё по порядку. Ли Да рассудил здраво:

— Сегодня в городок уже не успеете. Завтра отправитесь за покупками, а послезавтра поедете в деревню Дунпин.

Так положенный визит откладывался еще на день.

В ту ночь они легли рано. Предстоял путь в город — Ли Чжоучжоу доходил туда за час, но Гу Чжао, прикинув силы, понял, что у него это займет не меньше двух.

— Сегодня больше ничего делать не будем, — рассудительно сказал он мужу. — Ляжем пораньше, чтобы завтра выйти на рассвете.

Чжоучжоу тихо рассмеялся. Юноша обнял его за талию и легонько пощекотал.

— Чего смеешься?

Чжоучжоу не боялся щекотки. Он повернулся, и в ночной темноте его глаза засияли, словно две звезды. Увидев этот взгляд, Гу Чжао перестал дурачиться и замер, любуясь им.

— Мне просто радостно сегодня, — прошептал Ли Чжоучжоу. — Отец по-настоящему принял тебя.

Гу Чжао приподнялся и запечатлел нежный поцелуй на его лбу:

— Я знаю.

Чжоучжоу часто заморгал: в том месте, куда коснулись губы мужа, стало щекотно. Ему хотелось как-то выразить свои чувства, но, вспомнив о раннем подъеме, он просто крепче прижал Гу Чжао к себе и легонько похлопал по спине, как баюкают ребенка.

— Спи, сянгун.

Гу Чжао лишь улыбнулся про себя.

«Что ж, раз муж так заботится о моем отдыхе, можно на время забыть о гордости»

Прижавшись к его груди, он вскоре уснул.

На следующее утро, еще до того, как пропели петухи, Ли Чжоучжоу уже был на ногах. В темноте он оделся, зажег масляную лампу и отправился на кухню. Он поставил в пароварку вчерашние мантоу и батат, умылся ледяной водой и окончательно проснулся.

Вернувшись в комнату, он позвал мужа. Гу Чжао с вечера настроился на путь, поэтому, едва лампа показалась в дверях, он тут же открыл глаза и вскоре был готов.

В печи весело потрескивали дрова, и завтрак согрелся. Если бы Чжоучжоу шел в город один, он бы и не подумал разводить огонь, а просто грыз бы по дороге черствые мантоу. Но ради своего сянгунна он был готов на любые хлопоты.

Вытащив из печи несгоревшие поленья, он оставил лишь тлеющие угли, чтобы еда не остыла к пробуждению отца. Чжоучжоу уже приготовил воду для умывания, а сам тем временем сложил пару мантоу и батат в чистый узелок.

— Чжоучжоу, не вертись.

Гу Чжао подошел с теплым полотенцем и первым делом протер лицо мужу, а затем быстро умылся сам. Тот замер; кожа еще хранила приятное тепло, он невольно коснулся щеки, и уголки его губ сами собой поползли вверх.

Закончив сборы, супруги вышли со двора. Небо еще было черным, над головой висели звезды и тонкий серп луны. Ли Чжоучжоу шел впереди с бамбуковой корзиной за плечами, стараясь не спешить. Он протянул мужу еще теплый батат.

Гу Чжао разломил его пополам и вернул половину:

— Ешь, пока горячий.

Едва он открыл рот, как его обдало ледяным ветром. В середине одиннадцатого месяца в деревне было по-настоящему холодно. Часы показывали не больше пяти утра. Батат был сладким, куда вкуснее пресных мантоу. Ли Чжоучжоу откусил кусочек — ему казалось, что он слаще любого меда.

Они шли в темноте, а когда батат закончился, мантоу уже успели остыть. Гу Чжао откусил пару раз — лепешка была сухой и трудно шла без воды, поэтому он просто отложил её. Чжоучжоу убрал сверток обратно.

Небо начало сереть, и они прибавили шагу. Так прошло около двух часов.

Тело Гу Чжао всё же было слабым. Взять того же Учёного Чжу из деревни Шили: тот с детства ходил в соседнюю деревню на уроки, всё утро учился, а днем работал. Когда он стал туншэном и поехал в город, долгие переходы стали для него привычными.

Прежний же обладатель тела был иным. Пока его мать была жива, она оберегала сына от любой работы. Когда в дом вошла мачеха, она оказалась женщиной хваткой, и Гу Чжао привык отлынивать при любом удобном случае. В десять лет он стал туншэном, и учитель посоветовал отправить его в город. Но мачеха возразила: «И здесь сюцай, и в городе сюцай — наука одна. К чему платить лишние три лян серебра? Да и мал еще Чжао-эр, кто там за ним присмотрит?» Отец Гу, конечно, не согласился на такие траты.

Словом, физически юноша был совсем не развит. И хотя за последний месяц он старался больше ходить, а после переписывания книг даже таскал по двору пустые ведра, упражняясь в поднятии тяжестей, он едва поспевал за мужем.

«А Чжоучжоу — молодец», — с восхищением думал он.

Гу Чжао стиснул зубы, призывая на помощь всю свою волю.

«Настоящий мужчина не может сказать „не могу“!»

Ли Чжоучжоу шел легко, словно по ровной дороге, лишь щеки его слегка порозовели. Спустя некоторое время, заметив у дороги большой валун, он предложил:

— Сянгун, давай присядем, отдохнешь немного.

— Хорошо, — Гу Чжао не стал спорить и с облегчением опустился на камень.

К тому времени совсем рассвело. На развилке дорог показались другие крестьяне — кто-то толкал тачку, но большинство шли на своих двоих с корзинами. Мимо проходила пожилая женщина и невольно задержала на них взгляд.

— Надо же, какой заботливый муж попался гэ'эру.

— Да и гэ'эр больно хорош собой: кожа белая, нежная... Немудрено, что муж его так бережет, — подхватила её спутница.

Гу Чжао замер. Поняв, что женщины ошиблись и приняли его за гэ'эра из-за его худобы и светлой кожи, он и не подумал оправдываться. Напротив, он лучезарно улыбнулся и звонко произнес:

— А как же иначе? Я ведь молод и собой недурен, мой Чжоучжоу души во мне не чаёт и во всем потакает!

Женщины оторопели. Такого бесстыдства они явно не ожидали. Лишь хмыкнув в ответ, они поспешили дальше.

Гу Чжао весело склонил голову набок и посмотрел на Ли Чжоучжоу.

— Ну что, Чжоучжоу-сянгун? — поддразнил он его.

— Что... что ты такое несешь, сянгун! — вспыхнул тот.

Хоть он и решился на принятие зятя в дом, в глубине души он оставался верным традициям, считая мужа главой семьи. Игривое обращение Гу Чжао совершенно сбilo его с толку, но, увидев озорные глаза мужа, он не смог найти слов для упрека.

— Чжоучжоу, я отдохнул. Далеко еще? — юноша поднялся.

— Еще примерно пол-шичэня.

— Мы ведь уже не меньше одного шичэня в пути? — всё же не удержался он от вопроса.

Ему казалось, что они идут целую вечность.

«Ну и слабак же я...»

Спустя еще час пути Гу Чжао уже не просил отдыха. На одном упрямыстве он дотянул до цели. Когда впереди показались стены и каменная арка с названием «Городок Нинсун», в глазах его едва не выступили слезы.

Поскольку корзина их была пуста, стражники у ворот лишь мельком заглянули в неё и пропустили. Те же, кто вез товар, платили по одному вэню за вход.

Ли Чжоучжоу уверенно вел мужа к лавкам. Первым делом купили кусок сахара — размером с детскую ладонь, обернутый в красную бумагу. Это стоило пятнадцать вэней. Дома подходили к концу запасы соли и уксуса. Кувшин уксуса обошелся в шесть монет, а пакет соли — в двадцать. Гу Чжао невольно вспомнил, что соль во все времена была делом прибыльным.

Затем настала очередь мяса.

— Разве у нас дома его мало? — попытался возразить он.

— Сянгун, тебе нужны силы для учебы. Оно пусть лежит, а мы еще возьмем, — твердо ответил Чжоучжоу. Один цзинь мяса стоил десять вэней.

Когда всё необходимое было закуплено, они наконец дошли до книжной лавки. Войдя внутрь, Гу Чжао первым делом обратился к приказчику, попросив самое дешевое.

Едва услышав цену, он окончательно осознал: учение в этом мире — удовольствие не из дешевых.